

Помимо членов императорской семьи, седьмой принц толком не встречал мужчин других сословий, кроме этих трех типов, поэтому сейчас на его маленьком личике вновь появилось настороженное выражение.

В разрушенном храме оборванный мужчина с козлиной бородкой повернул жареную рыбу, насупился и тихо проворчал:

— Что ж эти дикари хитрожопые, как обезьяны? По их ценам выйдет, что за нашу партию товара мы получим вдвое меньше пушнины и серебра, чем в прошлые годы.

Мужчина в темно-синем холщовом костюме для верховой езды ответил:

— А не прижать ли нам их? Не верю, что эти варвары откажутся от нашего товара. На границе у любого продавца все в разы дороже! Совсем зажрались! Хотят — берут, не хотят — как хотят!

Остальные трое мужчин согласно кивнули, а затем одновременно повернулись к седому предводителю.

Кто-то сказал предводителю:

— Брат Чжао, тебе решать.

Тем временем за окном разрушенного храма бескомпромиссным, пылающим взором глядел на жареную рыбу в руках Козлиной Бородки седьмой принц, бесшумно высунувший из-за рамы половину своего пухлого личика.

— Насчет этих людей... они не пытаются нас провести, — спокойно произнес седой мужчина, так и не заметив движения за окном. — Нынче наша Великая Ци воюет с киданями. Несколько месяцев назад кидани обшарили все приграничные племена и забрали все шкуры на доспехи. Товара мало, оттого мы и не можем в этом году выменять столько же, сколько раньше.

Козлиная Бородка заволновался:

— И что делать?! Неужто за бесценок отдавать? Мы не то что расходы не отобьем, а все наши мучения в дороге — спать под открытым небом, везти груз — все коту под хвост!

Седой мужчина глубоко вздохнул:

— Не суетись, мы не обязаны торговать именно с чжурчжэнями. Соберем товар да пойдем дальше на запад, к племени Докэ. Они подальше от войны, кидани их меньше обобрали.

За окном седьмой принц, не сводя глаз с жареной рыбы, сглотнул слюну.

Аппетит обострил все его чувства, и он быстро догадался, что эти люди, скорее всего, купцы.

Интересно, как купить эту жареную рыбу?

Обычно седьмой принц не носил с собой серебра: даже выходя из дворца, он оставлял расчеты за плечами юного евнуха.

К счастью, на этот раз он отправлялся на войну, и си-фэй, переживая за него, засунула ему в рукав несколько банкнот — на случай, если захочется чего-то, чего нет в военной кормежке, чтобы мог купить по дороге.

Си-фэй не думала о многом, просто боялась, что сын проголодается, и в кошмарном сне не могла представить, какие бедствия принесет этот поход.

Зато теперь эти банкноты очень пригодились.

Хотя седьмой принц никогда раньше не заключал сделок напрямую, в детстве он слышал, как Лу Цзыяо непрестанно ворчал о ценах: мол, редкая рыба на его столе стоит столько-то за штуку, нельзя переводить добро и все в таком духе.

С памятью седьмого принца вспомнить цены на пару видов рыб было проще простого.

Самый дорогой сорт стоил от силы два ляна серебра за цзинь — простые люди такую и не покупали, — а обычная рыба обходилась всего в десяток с небольшим медяков за штуку.

Седьмой принц видел, что жареная рыба в руках Козлиной Бородки как раз относится к дешевым сортам по десятку медяков.

Однако эта рыба появилась так вовремя, что в глазах седьмого принца выглядела просто божественно и вполне заслуживала баснословной цены в два ляна за цзинь.

Седьмой принц опустил голову, пошарил в рукаве и вытащил пачку банкнот. Достал самую мелкую — в пятьдесят лянов.

Си-фэй боялась, что мелкое серебро окажется слишком тяжелым и утомит ее сына, поэтому дала исключительно такие банкноты — номинала меньше просто не нашлось.

В это время пятеро мужчин в храме все еще не замечали захлебывающегося слюной ребенка за окном и продолжали обсуждать маршрут перевозки товаров.

Вскоре один из них наконец услышал шаги снаружи и повернулся на звук —

Седьмой принц с гордо поднятой головой, преисполненный изящества и достоинства, чинно шествовал мимо входа в храм.

Мужчины испуганно схватились за рукояти ножей.

Торговля за пределами Великой стены приносила хороший доход, но и отчаянных разбойников хватало. Большинство из тех, кто занимался этим делом, сами были бывшими грабителями: накопят набегами начальный капитал — и открывают собственное дело.

Когда-то эти купцы и сами, будучи грабителями, вот так же бесшумно следовали за караванами, выведывая обстановку.

Но вот странность: опомнившись, мужчины осознали, что промелькнувшая мимо дверей фигура выглядела как-то уж слишком... беззаботно?

Разбойничьи разведчики себя так не ведут.

Может, храм уже окружен бандитами, оттого шпион и держится так небрежно и умиротворенно?

Пока пятеро пребывали в тревожном неведении, седьмой принц неспешной, вальяжной походкой развернулся и снова прошмыгнул мимо входа.

Пятеро мужчин просто обомлели.

Даже если вы нас окружили, наглеть-то зачем?!

Пройдя мимо дверей в очередной раз, седьмой принц нахмурился:

Почему эти торговцы не приветствуют Ваше Высочество? Ваше Высочество показался им на глаза уже дважды!

Седьмой принц привык к исключительно пассивной модели общения: сперва ему должны засвидетельствовать почтение, а затем с усердием спросить, не голоден ли он.

Однако эти люди, не похожие ни на евнухов, ни на компаньонов по учебе, ни на солдат, казались совершенно непредсказуемыми.

Живот не выдержал и снова заурчал. Потеряв всю свою прежнюю невозмутимую утонченность, седьмой принц с повешенным носом поплелся к дверям, жалостно воззрился на пятерых мужчин в помещении и плачевно известил их:

— Господин входит.

Пятеро мужчин, уже готовых выхватить ножи, окончательно опешили.

У порога стоял грязный мальчишка в темно-бордовом халате с широкими рукавами и длинным поясом. Судя по покрою, в подобное одевались лишь юные господа из семей богатых купцов или высокопоставленных чиновников, однако наряд был изрядно поношен и протерт в нескольких местах.

На рукаве темнел разрыв, а сквозь бордовую ткань проступали въевшиеся темные пятна крови.

— Ты кто такой? Чего тебе надо? — седой мужчина настороженно уставился на мальчишка.

Седьмой принц открыл было рот, но голоса не последовало. Он изо всех сил откашлялся и хрипло произнес:

— Купить рыбу.

— Что? — не понял мужчина.

Седьмой принц с трудом оторвал взгляд от жареной рыбы, посмотрел мужчине в лицо и серьезно выговорил:

— Вы — торговцы, а господин — покупатель.

Мужчина в темно-синей одежде, совершенно ничего не понимая, в нетерпении шагнул вперед и ткнул пальцем в нос седьмого принца:

— Это еще что за дурачок взялся?! Нашел место для проказ! А ну вали отсюда к чертовой матери!

Серьезное выражение на лице седьмого принца мгновенно сменилось гневом и потрясением. Он с нескрываемым изумлением уставился на небывало дерзкого мужика.

— Чего? Шкура чешется, всыпать тебе? — мужчина сделал еще шаг и выпучил глаза на

похожего на попрошайку мальчика.

Впрочем, его угрозы нисколько не испугали ребенка. Мальчик стоял неподвижно и смотрел ему прямо в глаза, а гнев в его взоре постепенно уступал место недоумению.

Подойдя ближе, мужчина заметил, что у этого измазанного в грязи и саже мальчика удивительно утонченные черты лица, глубокие контуры и чистые, прозрачные глаза — он не выглядел чистокровным ханцем.

Он заподозрил было, что это ребенок из какого-нибудь степного кочевого племени, но, присмотревшись к чистым участкам кожи на шее, увидел, что та бела и гладка, словно застывший жир, — у тех, кто кочует в степи под палящим солнцем и ветром, такой кожи не бывает.

Множество странных неувязок заставили его усомниться в догадках. Он неосознанно понизил голос:

— Ты случаем не принц какого-нибудь племени?

Мальчик не ответил, продолжая молча смотреть на него.

— Виноват, проглядел, — мужчина решил, что молчание — знак согласия, и заискивающе улыбнулся: — Ты из какого племени? И какую сделку хочешь с нами заключить?

— Купить рыбу, — из-за дикого голода седьмой принц простил грубость этого человека, повернулся и указал пальцем на рыбу в руках Козлиной Бородки. Затем приказал: — Живее переверни, подгорит!

Мужчина проследил за его пальцем, вернул взгляд и насупился:

— Ты хочешь купить ту жареную рыбу?

Седьмой принц кивнул.

— Ты что, блядь, издеваешься надо мной?! — мужчина схватил мальчика за грудки и уже собрался заехать ему, но ощущение под пальцами заставило его сердце ёкнуть.

Это была ткань высочайшего качества!

Они все-таки были купцами, и хотя подобным товаром сами не торговали, но в лавках тканей кое-что видывали.

Мужчина в изумлении опустил взгляд, пощупал ткань на мальчишке, наклонился ближе, всмотрелся и тут же пораженно окликнул товарищей:

— Эй, идите сюда, гляньте! На нем... на нем облачная парча! Облачная парча прямо из ткацких мастерских Цзиньлина!

Услышав это, вся компания мигом сгрудилась вокруг мальчишки. Словно знатоки антиквариата, они уткнулись носами в его грязное платье.

Облачная парча считалась драгоценной узорчатой шелковой тканью — вершок на вес золота! В лавках, где они закупались, лежал от силы один такой рулон, да и тот хранился как бесценная реликвия, какую никто не мог позволить себе купить.

И надо же было встретить в такой глухомани кого-то, кто носит эту драгоценную ткань на себе!

К тому же так ее порвать и испачкать — да это же просто святотатство!

<http://bllate.org/book/18379/1767148>